

рое, как он сам показал, «уживается» со всеми формациями. Во-вторых, проведенный Марксом анализ азиатской общины показывает, что и рабство, и крепостничество в латентной форме присущи структуре этой общины. Отсюда в большой степени проистекает свойство совместимости восточной сельской общины со всеми добуржуазными формами собственности и эксплуатации. Кстати, автор не отвечает на вопрос о классовой природе внутриобщинной эксплуатации при системе джаджмани, проявляя известную недооценку (в этом вопросе) работ некоторых советских авторов.

В явлении экзогамности М. К. Кудрявцев видит доказательство социальной природы общины, так как община А связана (в силу экзогамности) с общинами В, С... и. Ну, а в тех странах, где сельская община не экзогамна, она перестает быть социальной единицей? Эта мысль явно противоречит определению понятия сельской общины, данному автором на стр. 12.

Желательно было бы развернуть весьма важный тезис о том, что в Индии второе крупное общественное разделение труда (отделение ремесла от земледелия) произошло внутри общинной деревни в форме образования кастовой системы, в то время как в Европе отделение ремесла от земледелия привело к отделению города от деревни, к развитию товарно-денежных отношений, внутреннего рынка и т. д. В книге этот очень важный сюжет остался неразвернутым. Между тем в Индии, как нам представляется, чем более развито было внутриобщинное разделение труда, тем менее оно развито было за пределами общины или группы общин и во всем индийском обществе. Это обстоятельство, по-видимому, сыграло тормозящую роль в разложении натурального хозяйства, в развитии внутреннего рынка, в процессе (если можно так выразиться) «исторической специализации» формаций в Индии.

Автор, разумеется, признает наличие общих закономерностей в развитии сельской общины всюду, где этот тип общины имеет место. Но при этом специфические черты индийской сельской общины как бы приобретают исключительный характер. Известная абсолютизация специфики проявляется между прочим в характеристике кастовой системы и системы джаджмани. Так, создается впечатление, что кастовость — это феномен только индийского общества. Между тем социальные образования кастового типа встречаются в Древнем Египте, в Тибете, в Японии, в Африке. В Индии же кастовые образования получили классическое развитие и, по-видимому, в большей степени, чем где бы то ни было, пронизали все общество, в том числе и общинную систему. Джаджмани, по нашему мнению, это явление не только специфически индийское, но и в определенной мере международное. Дело в том, что экономической основой системы джаджмани является разделение (специализация) труда, обмен трудом и услугами. Но именно это является типичной чертой любой сельской поземельной общины на том этапе развития, когда происходит отделение ремесла от земледелия, расщепление ранее единого труда на труд специализированных ремесленников, земледельцев и т. д.³ В этом плане система джаджмани представляется общей закономерностью. Действительная специфика заключается, как нам кажется, в том, что разделение труда, обмен трудом и услугами в индийской сельской общине принимают особую форму взаимных обязательств между отдельными неравными кастовыми группами.

На наш взгляд, в явлении джаджмани представлено диалектическое единство черт общего и особенного. Разделение труда (явление общее) в Индии «окастеневает» в кастах (явление специфическое).

В рецензируемой книге встречаются некоторые неясные и неточные, на наш взгляд, формулировки. Так, на стр. 30 автор утверждает, что формы эксплуатации более всего зависят от форм собственности, а также от характера хозяйства. Что значит «характер хозяйства» и разве этот «характер» не зависит от форм собственности?

Все эти и подобные замечания и соображения могут быть предметом дальнейшего обсуждения и разработки не только индологами, поскольку здесь затрагиваются некоторые общие методологические вопросы изучения общины. Таким образом, монография М. К. Кудрявцева развивает и углубляет наши представления об общих закономерностях развития сельской поземельной общины.

С. Д. Зак, С. И. Тюльпанов

НАРОДЫ АМЕРИКИ

Bill Vaudrin. *Tanaina tales from Alaska*. Introduction by Joan B. Townsend. Norman, 1969, XXXVI+127 p.

Немного памятников сохранилось от древней культуры атапасков. Исчезли прежние быт и верования, и лишь слабые их отпечатки дошли до наших дней, свидетельствуя о яркости и самобытности первобытной культуры индейцев Севера Америки.

³ Автор совершенно правильно обращает внимание на тот существенный факт, что у большинства высокоразвитых земледельческих народов Индии сравнительно высок (до 40—50%) процент неземледельческого населения в деревне (стр. 258).

Составитель рецензируемого сборника, молодой преподаватель колледжа г. Анкоридж Билл Водрин, индеец атапаскской группы чипевайи несколько лет прожил среди танаина, охотился и ловил рыбу вместе с ними, знакомился с их обычаями. Вошедшие в сборник 24 сказки записаны им в двух селениях танаина на юго-западе Аляски, в районе оз. Илльмны. Сами индейцы называют эти сказочные повествования «сак-тас» (suk-tus) истории, легенды. Активную роль в них наряду с людьми играют животные, встречающиеся в этих местах.

Вполне естественно, что животный эпос был особенно популярен у народа, основным занятием которого были охота и рыболовство. Составитель называет «сак-тас» сказками о животных. Это не совсем верно: в сборнике имеются лишь две сказки, в которых действуют только животные. Во всех остальных наряду с животными участвуют люди. Фольклористам предстоит определить, к какому типу сказок следует отнести столь специфическую форму сказочного эпоса, как сак-тас. Родившись в глубокой древности, они донесли до нас много ценных сведений о прошлой культуре танаина: основных занятиях и укладе жизни, религиозных верованиях и социальном строе, нравах и обычаях.

Сак-тас содержат богатый материал, помогающий реконструировать древние верования индейцев. В них очень четко выражены тотемические представления, которые являлись идеологическим отражением охотничье-промыслового хозяйства индейцев.

Герои некоторых сказок выступают в облике человека, то в облике животного. Так в «Первой сказке о бобре» молодая женщина — жена охотника — время от времени уходит в лес и превращается там в бобра. От брака с женщиной-бобром рождаются дети-бобры. Сам охотник в конце концов тоже превращается в бобра и лишь изредка вновь принимает человеческий облик. Подобные сказочные образы могли возникнуть только на основе развитых тотемистических представлений.

Герои другой сказки («Вторая сказка о буром медведе») сестры-медведицы в наказание за дурные поступки теряют возможность превращаться в людей. «Первая сказка о буром медведе» рассказывает о сыновьях женщины и медведя; поселившись среди людей, они воспринимают кличку «медведь» как оскорбление. Возможно, что эти сказки отражают разные этапы развития тотемистических представлений. Многие сказки сборника очень ярко отражают эти представления. О том, как животные помогали человеку стать великим охотником, говорится в «Сказке про волка» и «Сказке про норку». Обычно в благодарность за спасение и науку охотник клялся никогда не убивать зверей-помощников («Вторая сказка об орле», «Сказка о полярной гагаре»).

Отдельные пережитки тотемизма сохранились среди танаина до настоящего времени. Любопытно, что один из информаторов Билла Водрина, со слов которого была записана «Сказка про волка», уверял автора, что дед его Вильям Риктеров заключил однажды союз с волком, обеспечивший старому трапперу счастливый охотничий сезон (конец «Сказки про волка»).

Сказки сак-тас хранят и следы некоторых древних обрядов и обычаев индейцев. Упоминания о мужском доме имеются в «Сказке о горной белке» и в «Сказке о форели». Древний сказочный мотив, где юноша пожирает животное, а затем юноша возрождается как великий охотник (этот мотив, как известно, связан с обрядом инициации), угадывается во «Второй сказке о бобре». Эта сказка интересна еще и тем, что в ней содержится описание старинного способа бобровой охоты.

Некоторые сказки сборника чрезвычайно ярко рисуют семейно-брачные отношения танаина («Сказка о горной белке», «Сказка про лиса», «Вторая сказка о бурых медведях», «Сказка о камбале», «Сказка о форели», «Женщина и волки»). В сак-тас отражено существование разных форм брака (многоженство и многомужество). В них мы находим свидетельства о довольно независимом положении женщины, что объяснялось ее значительной экономической ролью в семье. Жена вместе с мужем ходила на охоту, а иногда и самостоятельно добывала пропитание («Сказка про волка», «Женщина и волки», «Сказка о камбале», «Сказка про лиса»). Встречающиеся в сказках упоминания о женщине — матери всего поселка или о старой женщине — матери братьев, живущих совместно в одном большом доме, видимо, можно считать пережитками матриархата («Сказка про синицу», «Женщина и волки»).

Тщательный анализ содержания сак-тас позволяет также выявить много других подробностей древнего быта танаина. Мы находим сведения о старом жилище и пище индейцев, встречаем довольно подробные описания туземных паровых бань («Сказка про синицу», «Сказка про росомаху» и др.).

Герои почти всех сказок совершают вынужденные или добровольные путешествия. В одних случаях они навсегда остаются жить в чужих краях, в других — возвращаются в родной дом. Трудно решить — следы ли это прежнего кочевого быта или отражение религиозных представлений о странствовании души в загробном мире. Очевидно, эти факты также должны заинтересовать исследователей.

Сюжеты сказок рецензируемого сборника не всегда являются исключительно индейскими. В них встречаются мотивы, распространенные в фольклоре очень многих народов мира. Например, в «Сказке про синицу» угадывается мотив мифа о потопе, а в «Сказке о вороне» — мотив украденного и возвращенного солнца.

Появление в фольклоре танаина широко распространенных сюжетов бесспорно свидетельствует о культурном общении танаина с другими народами. Некоторые сказочные элементы, такие как волшебная палочка и волшебное кольцо, с помощью которого вызывают карликов — исполнителей всех желаний («Сказка о горной белке», сказка

«Женщина и волки»), определенно относятся к более поздним заимствованиям и, возможно, попали в сказки индейцев в результате контактов с западной цивилизацией.

В целом в сак-тас, безусловно, преобладают древние элементы. Нельзя не отметить, однако, что некоторые сказки впитали в себя кое-что из современного быта таанана. Например, представления о стуле, окне не могли войти в сказку раньше XVIII в.; а веник («vinik» в местном звучании), который употребляется в паровых банях («Сказка про росамаху»), определенно следует отнести к периоду Русской Америки.

Книга Б. Водрина снабжена весьма ценными иллюстрациями. Материалом для них послужили печерные рисунки, сделанные таанана несколько сотен лет назад.

Большая вводная статья к сборнику (автор Джоан Таунсенд) носит в основном популярный характер. Нельзя не отметить явной тенденции автора введения — его стремления во что бы то ни стало очернить историю Русской Америки и в то же время идеализировать положение индейцев в США.

В заключение хотелось бы еще раз подчеркнуть несомненную ценность сказок, собранных Б. Водрином, и высказать уверенность, что сборник окажется весьма полезным многим исследователям: этнографам, фольклористам и историкам религии.

Г. И. Дзенiskeвич

М. Я. Берзина. Формирование этнического состава населения Канады. Этностатистическое исследование. М., 1971, 192 стр.

Монография М. Я. Берзиной, завершающая серию работ, опубликованных автором в различных изданиях и посвященных складыванию этнического состава Канады, является существенным вкладом в исследование этой страны советскими учеными. Изучение Канады, широко развернувшееся в нашей стране в последние 20 лет, ознаменовалось заметными успехами. В 50—60-х годах вышли в свет труды по экономике (А. Г. Милейковского, В. В. Сущенко и др.), географии (Г. А. Аграната, А. В. Антиповой, И. Ф. Антоновой, Л. Н. Карпова и др.), истории (А. Н. Шлепакова, К. Г. Татариновой и др.), этнографии Канады (Ю. П. Аверкиевой, Е. Э. Бломквист, Л. А. Файнберга). И тем не менее советская литература по Канаде далеко не столь обширна, как литература по США, Англии или другим развитым капиталистическим странам.

Для этнографов изучение Канады, которая остается сейчас, как и в прошлом, одной из крупнейших переселенческих стран мира, представляет особый интерес. Своеобразие этнической истории, относительная «молодость» народов, населяющих Канаду, многонациональный характер страны со сложной этнической «мозаикой», интенсивные процессы ассимиляции и консолидации, межнациональные противоречия — все это не может не привлекать внимания этнографов. Кризис конфедерации в 60-х годах и обострение конфликта между двумя основными нациями делает изучение национальных отношений в Канаде особенно актуальным.

Книга М. Я. Берзиной — оригинальный труд, посвященный проблемам, не нашедшим отражения в советской литературе. Нет подобного сводного исследования и в Канаде, хотя там различными аспектами этой проблемы занимается большая группа ученых.

Монография охватывает огромный период — от ранних этапов заселения страны до 60-х годов XX в. Она написана на основе тщательного изучения источников, в частности материалов переписей Канады с 1871 по 1961 г.

Опираясь на статистический материал, автор исследует особенности этнического развития Канады с целью определить современный этнический состав страны, границы и размеры этнических общностей, направление этнических процессов. Для книги характерны не только богатство и разнообразие привлеченной литературы, тщательность «отделки», но и смелая постановка и решение узловых проблем избранной темы.

Историографическое введение содержит анализ источников — канадских цenzов. Прекрасное знание предмета позволяет М. Я. Берзиной дать не только критическую характеристику показателей, важных для решения этнических проблем, но и краткую историю канадских переписей. Используемая литература разбита автором на три тематические группы: об аборигенах страны; о численности, естественном движении населения и миграциях; о современных этнических группах и национальных проблемах Канады. К сожалению, здесь не упомянуты работы крупных канадских ученых А. Ричмонда и Дж. Портера, содержащие большой фактический материал и интересные по своим концепциям.

Следующий раздел книги — «Заселение Канады» — охватывает период от появления ранних поселений в Северной Америке и Канаде до иммиграции в XX в.

Умело привлекая исторический, этнографический и статистический материал, автор освещает основные вехи политической истории страны, своеобразие ее этнической истории. Запоминаются ярко написанные страницы о трагическом прошлом индейцев в период колонизации и освоения канадского Запада. Читатель знакомится с подробной историей иммиграции в Канаду — ее истоками, спадами и подъемами иммиграционных волн, численностью и этническим составом иммиграции, ее ролью в демографическом